

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ДОРОГИ
СУДЕБ

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 997

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Дороги судеб: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 407 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2201-2

Земли всегда недолго стоят без хозяина. И вот, когда обретено свое место под солнцем, появляются две проблемы: как его защитить и как его расширить? Обе проблемы решаемы, вот только для этого нужны новые люди и оружие для них. А значит — надо отправляться туда, где есть и то и другое, в нелегкий путь по новому миру. За спиной — верные соратники, впереди — километры густых лесов и диких степей, встречи и схватки, безымянное зло и вполне реальные злодеи всех мастей. Это дорога к славе или смерти, это путь к высотам власти в этом новом мире.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2201-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Молодой человек! И долго мне за тобой бежать?

В прежней реальности, которую теперь здесь все называют «тот свет», меня безумно раздражал звон будильника. Я терпеть не мог, когда в самый сладкий момент, в приятный и спокойный предутренний сон врывается противный писк этого мерзкого изобретения человека.

Так вот, будильник по сравнению с Оружейником — это ничто. Куда тому бездушному предмету до нашего Льва Антоновича, который в силу своего возраста и неумной энергии встает раньше всех (а может, и просто не ложится) и начинает собирать, преумножать и распределять. Первое он делает раз в пять активнее, чем второе, а второе — раз в десять охотнее, чем первое. Третьего же действия он старается избегать как ненужной роскоши.

— Я говорю вам, молодой человек: таки отдайте мне то, что вам не нужно. — Ну вот, он перешел на «вы». Сейчас кому-то не повезет. — Вам оно ни к чему, а мне надо.

— Мне сказали взять с собой флягу, — уже немного неуверенно ответил молодой голос. Понятно, на этот раз Оружейник вцепился в кого-то из «волчат». Жалко парня, пропал он. — Мне Наемник велел.

— Так пусть тот Наемник вам ее и дает, боже ж мой! Что мне его «надо» перед моим «оприходовано»? Ему надо, а отвечать кто потом будет? Лев Антонович? Таки пришлет ко мне Сват своего арапа сверить баланс — и все. И мое сердце сделает «шлеп» только при одном виде этого проверяльщика. А что вы хотели? Он в точности такой, каким мне мама в детстве описывала нечистого. Или того хуже — отправят меня вон в ту желтую кубышку, что за воротами стоит и занимает простран-

ство. В мои годы быть овощем — это дело обычное, не спорю, но я-то не хочу, чтобы так случилось!

— Антоныч, и сколько уже можно нудить? — Ага, это уже Одессит к разговору подключился. — Что вы докопались до этого мальчика, который только и знает, что хлопать глазами перед вашей экспрессией? Дружище, верни ты ему ту баклажку, чтоб его стошнило, честное слово. Я тебе свою отдам, самодельную. Поверь мне, она не хуже, чем та, что у тебя в руках, и мне для тебя ее не жалко, у меня большое сердце.

— Жора, так и живите вы с тем своим сердцем еще сто лет, — пожелал Одесситу Оружейник. — Если вам не жалко своего добра, так это замечательно, это характеризует вас как высокоморальную и социально оптимистическую личность, с такими людьми, как вы, стоит жить под одним небом. Больше скажу: даже под одним потолком. Но мне верните ту фляжку, которая стоит у меня на балансе.

— Натe, — оборвал речь Оружейника «волчонок», и обрадованный кладовщик, судя по топоту, побежал в свои закрома. Как водится, получив желаемое, он уже добрые слова вхолостую не тратил — это нерентабельно.

— Что за человек? — Одессит зевнул. — Сам не спит и другим не дает.

— И не говори, — поддержал его томный женский голос. Ну да, наш живчик спать ложится на одном конце города, а просыпается на другом.

— Солнце встало, и мы встаем!

О, а это уже Дарья, та самая крепкобедрая и полногрудая женщина, которая нам с Наемником еду приносила, когда мы рейдеров в засаде ждали.

Она за последнее время забрала в свои цепкие руки почти все внутрихозяйственные дела, да так серьезно, что мне на нее даже жаловаться приходили. Правда, эти жалобы не возымели успеха, поскольку стенания пяти девочек из хороших семей, которые на «том свете» ничего тяжелее вилки и коммуникатора в руках не держали и чистосердечно полагали, что еда растет на деревьях в том виде, в котором ее подают на стол, тронуть мое сердце не смогли. Напротив, они меня порадовали. Жалобы означали одно: молодец Дарья, правильную линию гнет. Впрочем, ничего удивительного: в прошлой жизни Дарья была директором детского дома, причем явно неплохим.

С момента боя с рейдерами прошло уже дней пятнадцать, и сейчас я был даже рад, что тогда так все вышло. Нет, невероятно жалко погибших: и глазастого Стрима, и громкоголосую Мадам, тем более, что они так и не вернулись к нам, как мы на это ни надеялись. Но зато это первое столкновение с организованным внешним врагом четко показало наши наиболее слабые места и болевые точки.

Ну что значит показало? Я и еще несколько человек про большинство слабых мест и болевых точек и сами знали, чего греха таить. Или догадывались. Но мы-то про них знали, а остальные — нет. Остальные о таком просто не задумывались, и суета со стрельбой и освобождением заложников заставила их всерьез задуматься о том, как жить дальше.

Еще у нас началась селекция. Звучит несколько странно, знаю, но это слово применительно к ситуации употребил Проф, и оно оказалось более чем верным. Наш лагерь на следующий же после боя день покинуло десятка два людей, сославшись на то, что путь насилия — это не их путь. Я так понимаю, что их поразил тот факт, как Настюшка последнего из рейдеров в расход пустила.

Она, оказывается, его даже за пределы крепости не стала выводить, а просто поставила к стенке ближайшего дома, всадила ему в лоб пулю прямо на глазах честной публики, после чего устало зевнула и сообщила окружающим:

— Устала я что-то сегодня. Спать пойду.

Все это вызвало очень неоднородную реакцию масс. Большинство сказало: «Ну и правильно», — но нашлись и те, кто заявил, что здесь у остающихся впереди только деспотия и полицейская диктатура, а то и чего похуже. Они за пару минут собрали свои вещи, благо имуществом народ еще не оброс, и, стихийно выбрав себе лидера, некоего Рика, сообщили мне о своем желании покинуть крепость.

И вы знаете, никто не стал их удерживать. А зачем? Если кто-то не хочет признавать того, что состояние постоянной готовности к любым, даже самым нестандартным ситуациям должно стать для него нормальным, привычным состоянием на ближайшее время, то в таком человеке не слишком много проку. И если эти граждане хотят уйти, то скатертью дорога. Люди нужны, бесспорно, но когда они в определенном роде превращаются в балласт... В общем, ушли и ушли. Надеюсь, большинство из них найдет то, что ищет. Ну или хоть кто-то

что-то найдет, кроме смерти. Трое из ушедших, кстати, уже через несколько дней вышли на свет ночного костра, как водится, ничего не помнящие и не знающие, какую смерть приняли в своем предыдущем воплощении. Очень расстроились и удивились, когда мы им отказали в приеме.

Ну да, отказали. Мы не воспитательное учреждение и не НИИ по промывке мозгов. Да, люди не помнят того, что когда-то нас уже покинули, и это смягчающее обстоятельство. Но главное здесь то, что они все равно не изменились, их жизненные принципы и сущность остались теми же, какими и были. Стало быть, через какое-то время мы все равно получим прежний результат. Так зачем это самое время на них тратить? Да, собственно, время — это еще ладно, но вот ресурсы вроде еды на них расходовать точно не стоит.

Причем эти трое потом еще долго бродили неподалеку от крепостных стен и орали всякие глупости. Они обвиняли нас в том, что мы самодуры и мерзавцы, не слышавшие о правах человека и о том, что его жизнь — это величайшая ценность. Надоели страшно. Угомонились же они только тогда, когда Одессит, который любит орать сам, но не любит слушать, как орут другие, прирезал одного из них.

Нового ничего в их словах не было. Обо всем этом мы за последнее время слышали множество раз. Только зря крикуны стараются, демократии у нас не было, нет и не будет. Как, впрочем, и деспотии, что бы ни говорили покинувшие нас люди, в прошлом, к слову, все как один политики, омбудсмены и телеведущие. Не нужна она нам, демократия эта самая, вот какая штука. Нам надо, чтобы каждый знал, что он делает, зачем и почему. И еще — где его место в тот момент, когда приходит время брать в руки оружие.

Да, личное оружие теперь закреплено почти за каждым из мужчин. За теми, кто помоложе и посноровистее, — автоматы. За людьми постарше и некоторыми из женщин — пистолеты. Но это до поры до времени, пока Ювелир с третьим караваном еще автоматов не привезет, тогда их всем хватит. Нет, со вторым караваном тоже пришло немного оружия, но основной груз был другой: поразмыслив немного, я пришел к выводу, что в замок необходимо доставить как можно большее количество боеприпасов.

Второй караван отбыл из крепости на следующий же день после боя. Мне не давала покоя мысль о том, что где-то далеко

от нас лежит наше же добро и что его может прихватить кто-то другой. Возглавил операцию Ювелир. Не скажу, что это далось мне легко... Не то чтобы я ему не доверял, дело не в этом. Просто я не был уверен, что он не сломался после всего случившегося и сможет в случае чего принять верное командное решение, а не бросится вперед с шашкой наголо, но все-таки отправил старшим его. Правда, на всякий случай включил в состав группы Голда: мол, он там уже побывал и сейчас выступает исключительно в качестве проводника и эксперта по сборке плотов — мы решили сделать на месте еще один, чтобы вывезти добра побольше.

Голд это мое решение одобрил, сказав:

— Схожу еще разок, во избежание. Народ отправляется уже более-менее обстрелянный, но этого мало. Надо посматривать по сторонам, чтобы не прозевать момент, когда кто-то любопытный заинтересуется, куда это мы водой идем и зачем.

Я понял, что он имеет в виду бородатого бандита и его малолетнюю спутницу. Я и сам о них думал как раз в подобном ключе. А ну как проследят землей наш маршрут, дождутся, пока плоты и лодки отчалят, а потом устроят маленький набег на бункер? Оружия у них нет, но это не повод расслабляться. Сковырнут люк, накидают внутрь веток и сухой травы, запалят их и выкурят нашу охрану. Или еще чего придумают, мало ли дельных вариантов изобрести можно.

— Ты, главное, головой своей понапрасну не рискуй, — попросил я его. — Ты идешь консультантом, бойцов и без тебя хватит.

Со вторым караваном ушло несколько человек, побывавших в первом рейде: Павлик, Наемник, кое-кто из тех, кто осел в крепости во время нашего отсутствия, плюс двое мужчин из группы Жеки, которая влилась в наши ряды в полном составе. И, заметим, все прошло отлично. Караван благополучно, без каких-либо проблем, дошел и туда и обратно, весь груз был в целости. Еще они сменили постовых, которые за время сидения в бункере порядком понервничали и одичали.

А через день после возвращения по известному уже маршруту стартовал третий по счету конвой. Именно конвой, не иначе: две лодки и два плота. Причем второй плот, который новый, ох и здоровым оказался! Голд же аналитик. Поплавал, подумал и улучшил конструкцию. Что примечательно: вязал тальником, — он, оказывается, его еще в первом походе наре-

зал и по дороге экспериментировал. На разрыв испытывал, на прочность, на намокание.

Искренне надеюсь, что третий рейд — предпоследний. Мы ведь уже сколько вывезли, да еще сейчас сколько оттранспортируем. Хотя... Может, и не управимся в две ходки. Там ведь еще генератор, провода... Рэнди к тому же что-то про двери говорил: мол, сталь, нельзя так оставлять, это бесхозяйственность. Вот только как эти двери оттуда переть? Генератор еще ладно, такое не забрать — дураком быть надо. А двери... Да их даже Азиз не поднимет!

Азиз, к слову, в вылазках к складу больше не участвовал, я его оставил при себе, как и Настю, в которой, похоже, проснулась авантюрная жилка.

Настя вообще очень изменилась за это время. От робкой девочки, которая меньше месяца назад искренне переживала из-за того, что три мужика увидят ее голой, не осталось вообще ничего. Не знаю, что именно послужило отправной точкой ее перерождения, — тот первый неудачный поход в лес, когда погибли две девушки, первое убийство, ночной бой или еще что-то, но факт остается фактом — она стала совсем другой. Ее теперь не очень сильно интересовали плодовые кустарники и деревья, а также грибы и травы, зато она отстреляла под прищотом Азиза с полсотни патронов из своей снайперки и столько же — из пистолета, а еще так замучила Жеку, узнав о том, что он мастер ножевого боя, что он ее в очередном учебном поединке чуть всерьез не прирезал, и крепко поругалась с Одесситом, когда тот отказался брать ее в свою поисковую группу.

Я тоже был против того, чтобы она пошла с поисковиками, — слишком еще много в ней самоуверенности и лишнего адреналина. Этого достаточно, чтобы погибнуть, но маловато, чтобы выжить. Пусть пока под приглядом будет. Нет ничего страшного в том, что она так переродилась, это нормально. Если человек по духу боец, это обязательно даст о себе знать, как только подвернется подходящий случай. Раньше, на том свете, у нее такой возможности не было. Теперь эта возможность появилась, и ее старая оболочка просто слезла, как кожа со змеи, за каких-то полмесяца. Сгнула в никуда застенчивая девочка-биолог. Зато родилась вот такая Настя — в шортах, которые ей сшила Милена, в камуфлированной майке, в армейском кепи и с двумя пистолетами: один под мышкой, дру-

гой на бедре. И она была готова пустить их в ход в любой момент.

Да она была не одна такая. Потихоньку, помаленьку начала появляться из ничего, из ниоткуда будущая ударная сила нашей группы, некий костяк профессиональных бойцов, основным делом которых должно стать силовое обеспечение безопасности. И не только это — понятие «экспансия» пока никто не отменял.

Жека взялся за дело умело и добросовестно, впрочем, как и всегда. Он просеивал людей через мелкое сито, отбирая по одному тех, кто хотел учиться воевать, воевать по-настоящему. Людей, которые более или менее подходили для будущей боевой группы, он показывал мне и Голду, который потом непременно с ними проводил беседу, задавая немудрящие вопросы и что-то помечая в своем Своде. Что он там писал, не знаю, но пару кандидатур все-таки отклонил, сказав:

— Пусть пока в крепости поживут, а там посмотрим.

Я не знаю, какие критерии его не устраивали, но не спорил с ним, не видел в этом смысла. Если он так решил, значит, так тому и быть. В конце концов, его учили видеть то, что не видят другие.

Так или иначе, почти два с половиной десятка бойцов в группе уже было, каждый из них четко понимал, чем придется заниматься, и не испытывал по этому поводу никаких иллюзий. Нет, Жека, конечно, говорил им, что их основная цель — защищать население, обеспечивать безопасность крепости, но на самом деле куда точнее их задачи сформулировал Голд.

— Ваше будущее дело — война. Поймите это сразу, — сказал он им как-то вечером после занятий по рукопашному бою, которые вел Азиз.

Парни, которых в крепости уже называли «волчатами», были освобождены от всех работ, но это не значит, что они сидели без дела. Рукопашка, физическая подготовка и все остальные способы зарабатывания очков характеристик, которые распределялись под строгим присмотром Жеки, занимали у них все время.

— Защита, оборона — прекрасно. Но с этим могут справиться и остальные, особенно если с ними немного позаниматься и обучить основам выживания. Ваша задача — она другая. Ваша задача — силовые решения первостепенных потребностей нашего сообщества, — вещал Голд.

— А защита разве не первостепенная потребность? — удивился Тор. Этот крепкий датчанин вышел на наш костер несколько дней назад и уже на следующее после появления утро был откомандирован Жекой в боевую группу.

— Защита — потребность постоянная, — объяснил ему я. — Но чтобы что-то защищать, надо что-то иметь. А чтобы что-то иметь, надо сначала это найти.

— И отобрать! — понимающе завершил мою мысль Крепыш, наш с Голдом соотечественник. Он был уроженцем славного города Ростов-на-Дону и на этой почве близко сошелся с Одесситом. Они, познакомившись, сразу проорали друг другу: «Ростов-папа! Одесса-мама!» — пообнимались и с тех пор были неразлейвода.

— Нет, — помахал пальцем я. — Не надо ни у кого ничего отнимать, Господь с тобой. Просто может выйти так, что возникнет конфликт интересов и кому-то придется по душе то, что нужно и нам. Оно пока ничье и станет в результате собственностью того, кто сможет доказать свое право. Юристов тут нет, судов — тоже. А значит, у кого прав больше?

— У кого оружия больше, того и право. — Фира блеснула зелеными глазами. — Оно и раньше так было, еще там, *на той Земле*.

— У того, кто им лучше умеет пользоваться, — не согласился с ней я. — И у того, кто сможет это доказать на деле.

— И еще у того, кто умеет думать перед тем, как стрелять, — добавил Голд. — На спусковой крючок автомата может нажать любой дебил. Важно *понимать*, когда и зачем ты это делаешь. Учитесь не только стрелять и резать, учитесь думать. В первую очередь — думать.

— И еще, война — это дело не одиночное, война — дело коллективное, — снова перехватил инициативу я. — А потому прямо с завтрашнего дня начинаем учиться работать в группах. Учить вас будем по очереди я, Жека и Наемник, когда вместе, когда по отдельности, кто свободен будет. Наемника вот сейчас вовсе нет, он с конвоем ушел. Сработавшаяся группа впятером может положить очень большое количество народа, поверьте.

— Составы групп я назову завтра. — Голд махнул рукой и показал всем появившийся в ней Свод, как бы говоря о том, что у него все в нем записаны.

Работать группами бойцам очень даже понравилось, и уже через пару-тройку дней «волчата» начали шастать по окрестностям, правда, не так, как раньше, по принципу: «Пойдем туда, куда глаза глядят», — а целенаправленно. Жека, который сообщил всем, что контроль местности тоже входит в зону его влияния, разрабатывал для каждой из групп маршруты и давал задания: разведать то, проверить это.

Радиус походов был пока невелик, десять-пятнадцать километров от лагеря. Было принято решение дальше пока не ходить. Дальние походы не слишком подходят для молодых, больно они еще неопытны, и даже присутствие кого-то из ветеранов не даст гарантии, что «волчата» не наломают дров. К тому же случись им столкнуться с кем-то вроде приснопамятных рейдеров, людей бывалых и опытных, — и еще неизвестно, на чьей стороне будет удача.

Но результаты были. Благодаря этим вылазкам наши умники — Проф и Герман составили достаточно подробную карту близлежащей местности, со всеми оврагами, рошицами и родниками. Они вообще вопрос картографии поставили в особый приоритет. Всякий новый человек непременно ими опрашивался на предмет того, где он осознал себя *на этой Земле* и что видел по дороге. А бедняге Ювелиру они просто весь мозг вынесли, требуя, чтобы тот зарисовывал берега во время похода.

Я это их начинание очень одобрял — карты, подробные и качественные, были нужны нам как воздух. Без них жить куда сложнее, чем с ними, а потому оба ученых находили у меня и понимание, и поддержку.

В качестве награды наиболее отличившейся группе Жека выдавал лицензию на охоту. Дичь была знатная — Окунь.

Звероподобный бандос пришел на встречу к нашим стенам, как я ему и сказал, но конструктивного диалога у нас так и не получилось. Увы и ах, он не захотел выполнять функцию свободного поисковика людей, на которую я пытался его определить, пообещав в случае согласия поддержку нашей группы, и попытался меня убить, чтобы завладеть оружием. Инстинкты у него все-таки взяли верх над разумом.

Теперь он был учебным материалом для наших бойцов. Его выслеживали и убивали раз за разом, освобождая тех, кого он успевал найти, и отрабатывая на нем полученные умения, увы, пока очень немногочисленные. Оно и понятно — много ли

вколотишь в голову за полмесяца пусть даже и очень усердным ученикам? Нас не по году учили, и то...

— Жизнь всему научит, — успокаивал меня Наемник в тот день, когда мы провожали третий караван. Сам он с конвоем не пошел, у него были иные задачи на ближайшее время. — Опять же, практика нужна, она полезней любых тренингов.

— Будет им практика, — заверил его я. — Куда ж без нее...

У меня была мыслишка отправить «волчат» под присмотром Азиза и Наемника в лесок, где, наверное, до сих пор бродят гаврики, которые тогда пытались прибить нашего зимбавийца, а еще лучше — к болоту, где водятся древообразные страхолюды. Но на учебные рейды требовалось время, а его-то как раз и не было. Большинство «волчат» мне будут нужны уже очень скоро, не говоря об Азизе, а подобная вылазка может затянуться на неделю-другую.

Хотя к страхолюдам все равно сходить надо — там столько опыта отсыпают в обе руки, что глупо подобным не воспользоваться. Может, когда вернемся из намеченного рейда, прогуляемся. Заодно и склад еще раз навестим, вдруг чего забрать из остатков надо будет. Понятное дело, что к тому времени туда еще один конвой уже сходит, но непременно что-то да останется.

Но не стоит планировать такие вещи заранее, кто знает, что в грядущем рейде случится. «Загад не бывает богат», — так моя бабушка говорила и, похоже, права была. Это тебе не по безопасной реке плавать, а по незнакомому лесу идти.

Да и безопасность реки теперь являлась понятием весьма условным. Мы уже видели несколько пустых плотов, которые проплыли вниз по течению, и это означало вот что. Во-первых, на тех плотках явно кто-то куда-то в свое время плыл, это очевидно. Во-вторых, людям не повезло, они попались кому-то в руки, и, надо полагать, с концами, если никого на плотках не видать. Стало быть, есть в верховьях реки некто, кто людей не жалует. Причем этот некто еще и зажиточен настолько, что даже плавсредства себе не оставляет. Один из плотов, кстати, был чудо как хорош: большой, устойчивый, с рулевым веслом. Прямо душа у всех болела, когда он из виду скрылся. И ведь не выловишь его никак, больно далеко от берега плыл. Нет, безбашенный Крепыш было собрался в реку сигануть, но его ос-

тановили — не доплыть до плота было вот так, запросто. На лодке можно было бы попробовать, но все наши лодки курсируют с конвоем.

И все же лес был опаснее вдвойне, если не втройне. На реке все видно, а в лесу — нет. Речной маршрут уже изведен, а дорога ко второму складу есть только на карте давно застрелившегося генерала, и неизвестно, насколько верны сведения, местность-то изменилась.

Об этом и многом другом мы говорили еще три дня назад, прямо здесь, в моем домике. «Мы» — это все те, кто сейчас, по сути, и руководил уже немаленьким сообществом людей, которое осело в крепости.

Сама по себе мысль отправиться ко второму складу, тому, что ближе третьего, но дальше первого, не оспаривалась никем, хотя, полагаю, в глубине души каждый из нас понимал: добро, скорее всего, уже разграбили. Ну не разграбили, конечно, а вынесли, на вполне справедливых правах того, кто его первым нашел. Но мы так хотели заполучить еще один приз, что заранее не любили опередивших нас.

Увы и ах, но факты говорили о том, что наши предположения небезосновательны. Пистолет, изъятый у рейдера, тот самый, который он забрал у одного из убитых им на опушке леса мужчин, был точной копией тех, что мы взяли на своем складе. Правда, из разных партий, мы это определили по номерам, выбитым на пистолетах.

— Это лишь косвенные факты, — упрямо твердил Голд. — Ничего они не доказывают, поверь мне.

— Понимаю, — соглашался я с ним. — Просто надо быть готовыми к тому, что на месте второго склада сейчас может существовать поселение. Если бы мы набрали не на наши живописные развалины, а на склад, мы бы точно сделали его нашим основным зданием и селились вокруг него. Но самое печальное, что в этом случае нам ничего не достается.

— Ну это еще не факт, — тонко улыбнулся Голд, и Настя тут же хихикнула, понимающе подмигнув моему консьюльери¹. Да и Азиз, привычно расположившийся у порога, загукал, соглашаясь с его словами.

---

¹ Консьюльери (итал. *consigliere*) — советник, человек, которому можно доверять и к словам которого прислушивается глава сообщества. — *Здесь и далее примечания автора.*

— Да что вы сразу! — заметил Жека, нахмурившись. — Может, там живут нормальные люди? Может, мы там союзниками обзаведемся?

— Или наоборот, — хихикнула Настя. — Увидят они нашу сбрую со стволами, да и подумают: «Ах, какое неплохое имущество к нам само заявилось».

И пошли эти двое копыа ломать. Надо заметить, что у Жеки и Насти, как это ни печально, практически сразу спонтанно возникла жуткая нелюбовь друг к другу. Отчего, почему, я не знаю, но факт оставался фактом.

Правы были оба. Ситуация могла отыграть в любую из сторон. Не исключал я и третий вариант: мы могли найти просто пустой склад и не обнаружить вокруг никаких признаков жизни. Или могло случиться чудо: мы бы нашли нескрытые двери. Но подобное мне казалось утопическим.

Как ни крути, вывод был один. Идти надо. По ряду причин. Во-первых, не изменилась основная задача — нельзя упускать возможность усилить нашу огневую мощь. Если есть хоть сотая доля шанса заполучить стволы или боеприпасы... Да нам все сгодится, чего уж тут. Во-вторых, надо поднатаскать молодняк. Я собирался взять с собой нескольких ветеранов и полтора десятка наших молодых бойцов. Если вернемся, то они хоть немного заматереют. Если нет, значит, нет.

Сейчас это просто куча молодых ребят, которые думают, что круче вареных яиц, а на поверку — еще совсем щенки. И пока они не побывают в хоть сколько-то серьезном деле, ничего не изменится. Я это точно знаю. Я сам таким был.

Да и мне надо хоть немного развеяться. Я за полмесяца за пределы замка почти не выходил. В этом, скорее всего, есть что-то неправильное, возможно, я не лучший руководитель, если опять хочу смыться черт знает куда и оставить людей на Жеку, но и меня поймите верно. Кругом ведь жизнь — страшненькая, но интересная! А мне с утра до вечера пилит мозг куча народу, и каждый — со своими проблемами. Дай дополнительное помещение, дай людей... Дай, дай, дай... Реально ведь народ не понимает, что в какой-то момент у меня в мозгу сосудик какой-нибудь лопнет, я достану ствол и выдам каждому по пуле. И все.

И ведь понимаю я: надо. Все надо. Да, мои приоритеты сейчас — усиление мощи нашего поселения. Во-первых, это гарантия того, что нас всех просто так, за понюшку табаку, не

перережут в одночасье, во-вторых, эта тема мне ближе, чем, например, виноградарство.

Представьте себе, виноградарство. Сам глаза выпучил, когда ко мне подошли двое недавно прибившихся к нам приятелей — Луиджи и Фернан. Один раньше жил в Италии, под Неаполем, второй — во Франции, в тех местах, где сливаются Гаронна и Дордонь. И тот и другой у себя на родине выращивали виноград, причем у обоих это был семейный бизнес.

Так вот, они решили заниматься виноградарством и здесь! Обнаружили в лесу у Дальнего утеса виноградные плети, «дичка», конечно, но их это не смутило совершенно. Более того, оба были уверены, что за пару-тройку лет добьются очень неплохих урожаев очень неплохого винограда. Не элитного, разумеется, но такого, который и есть можно будет, и сушить. Они планировали даже вино изготавливать.

Меня радовала их оптимистичность. «Пара-тройка лет». И ведь верят, что так и случится. И не только они. Верят люди в то, что жизнь непременно хорошая будет. Мне бы так...

Но я это дело благословил, дал Дарье команду выделить приятелям в помощь людей, почему нет?

А вот, к примеру, Пасечник, тот дядька, что пришел с Жемой, и вправду занялся пчеловодством. Выбрав местечко чуть вдалеке от крепости, огородил его, после сколотил ульи и, к нашему всеобщему удивлению, таки заманил в пару из них пчел, как он это назвал: «Поймал рой». Серьезный дядька оказался. Обещает, что вскоре медком будем баловаться.

Еще у нас появилось поле с просом — единственной зерновой культурой, которую удалось обнаружить. Причем, к великому удивлению Насти, которой приволокли «странные колосья», оно, просо, в смысле, оказалось не диким, а вполне пригодным для посева.

Не буду рассказывать о том, как Рэнди, Владек и еще пара человек, кое-как знакомых с земледелием, изготавливали в кузне плуг, споря о том, как он вообще должен выглядеть, — это было еще то зрелище. Промолчу и про то, как куча народа потом таскала этот плуг по небольшой пашенке, поскольку с упряжью так ничего и не придумалось. Скажу лишь, что потом все было повторно перекопано лопатами. Нам с Голдом просто надоело слушать многоголосую дискуссию, и мы сами взяли за дело.

Но факт остается фактом — землю кое-как вспахали и засеяли. Теперь все ждали: взойдет это просо, не взойдет? Я, например, не уверен. Не знаю, что тут с сезонами, но если оно уже выросло в этом году, зачем ему это делать еще раз? Хотя сельское хозяйство от меня максимально далеко, потому судить не берусь. Я, как и все, подожду. Конечно, хорошо, если что-то вырастет. Психологически хорошо — люди в себя верить начнут, в то, что их труд не напрасен. Да и в целом для климата в коллективе это будет благоприятно.

Все это было очень интересно и нужно, все это пожирало львиную часть моего времени, но я от таких дел уже ошалел, поскольку всегда был от подобного далек. Не слишком мне все это интересно, не мое это.

Мне вообще все чаще приходила в голову мысль, что, скорее всего, я вообще не в свои сани сел. Даже не скорее всего, а просто наверняка. И как только я увижу того, кому с чистой совестью можно будет сдать дела, я это сделаю, честное слово. А сам буду жить припеваючи, весело и с риском. Вон, вверх по реке схожу, гляну, что там за душегубы проживают.

Хотя именно сейчас душа за то, на кого остается замок, у меня не болела. Да и с чего бы? На страже стен оставался Жека и вторая половина «волчат», на хозяйство плотно присел триумвират нашего тылового обеспечения в лице Дарьи, Оружейника и Генриетты. Эти не то что своего не отдадут, они еще и чужое прихватают.

Да и вообще хозяйственная жизнь вошла в нормальное русло. Дарья и Лев Антонович были теми самыми людьми, которых мне не хватало. Они все посчитали, распределили между собой полномочия и обязанности и даже составили график, когда кто напрягает Рэнди. По первости я следил за ними всеми, ну, мало ли... Но уже на третий день понял: нет в этом никакого смысла. Они реально лучше меня знают, что и как делать. Склады пополняются запасами. Люди сыты и хоть как-то одеты. Все при деле. Так чего я им мешать буду? А коли воровать начнут, так я все равно об этом узнаю. Расскажут, у нас тут шила в мешке не утаишь.

Плохо, кстати, если такое случится. Я же их тогда непременно расстреляю. И где мне потом новых таких искать?

Вот и сейчас Оружейник гомонил не просто так. Он хоть и зануда, а дело свое знает и лишнего никому не выдаст. И не лишнего — тоже.

А группа, стало быть, уже собралась и экипировалась, бурлит кровь у «волчат», предвкушают дальний рейд. Это нормально, так и должно быть.

Сначала мы пойдем достаточно большой сборной группой, а потом разделимся. Первый пункт на пути — бункер, тот самый, в котором некогда я нашел карту и свой кольт. Рэнди наконец достал меня до печенок, и я согласился на то, чтобы бункер обшарили сверху донизу и изъяли оттуда все, что только можно. До этого места поисковики пойдут под нашим прикрытием, ну а обратно — с группой сопровождения из пяти человек, навьюченные, как мулы, Рэнди им заданий надавал столько, что ой-ой-ой. Я лично слышал слово «гермозатор» и им не завидую. Ну а мы заберем левее, наша дорога лежит в сторону Дикого поля.

Хоть и немного волнующе выдвигаться в такой рейд, но чувствовал я себя куда уверенней, чем несколько недель назад, когда мы с дубьем поперлись в леса. Да и неудивительно это ни капли. Тогда мы были разрозненной кучкой людей, которая толком даже не знала, куда идет. Сейчас мы неплохо вооруженный отряд, причем состоящий исключительно из бойцов, пусть даже в большинстве своем еще и не слишком опытных.

Ох как орал Жека, когда узнал, что я забираю с собой Намника и Азиза!

— А я с кем останусь! — шумел он. — Совесть у тебя есть? Ну взял бы ты эту свою малахольную девку. Ну одного из этих двоих. Но всех-то на фига брать? С кем я останусь?

— Нет у меня совести, — даже удивился я подобным претензиям. — А то ты этого не знал.

— Гад ты, Стасик, — тихо и печально сказал мой друг, плюнул и пошел проверять посты.

Боюсь даже представить, что с ним станется, когда он узнает, что Голд тоже уходит со мной. Нет, если бы Жеки тут не было, я бы, конечно, народу с собой взял меньше. Но он здесь, а значит, ничего плохого случиться не может. А бесится он только по одной причине — сам в этот рейд идти хочет. Хочет и не может. Обидно ему, вот в чем дело.

А я рад, что его с нами не будет. Там дело может повернуться по-всякому, и его идеализм, помноженный на рефлексы честного полицейского, мне точно не понадобится.

Ох, а еще я боюсь представить, что будет с Ювелиром, когда он вернется и ему скажут, что мы отбыли. Он так хотел пойти с нами... Я ведь ему это даже обещал! Хотя он-то ничего и не скажет. Он все еще за тот раз вину за собой чувствует. Да и потом, он очень нужное дело сейчас делает и сам это прекрасно понимает. Но к третьей базе он пойдет с нами обязательно, тут уж вопрос политический.

Когда я с автоматом на плече вышел из дома, отряд уже приготовился к отбытию. Лица у «волчат» были довольные, улыбающиеся, предвкушают, похоже, приключения и дальние дороги. Ну-ну, дай-то бог, чтобы все обратно вернулись. Ветераны были более сдержанны в эмоциях. Наемник о чем-то беседовал с Жекой, Настя дремала, привалившись к стене, Фира болтала с Рэнди. Азиз... Азиз, как обычно, натирал ветошью свою «детку». Все как всегда.

— Ну что, все собрались? — Я обвел глазами людей. — Никто ничего не забыл? В туалет все сходили, чтобы по дороге не проситься?

Жека ухмыльнулся — так всегда говорил наш с ним командир, прим-майор Грин, перед загрузкой в транспорт, который нас доставлял к месту высадки. Остальные тоже заулыбались. Да и жители замка, которые вывалили на площадь нас проводить, как-то пообмякли, а то некоторое напряжение в них чувствовалось. Волновались они за нас.

Что немаловажно — никакого недовольства два десятка парней и пять девушек, которые совершенно не участвовали в общественных работах, у людей не вызывали, а я этого изначально немного опасался. Все помнили, что могло произойти, если бы мы из первого похода к складу вернулись на денек попозже. Те же, кто этого не застал и присоединился к нам после упомянутых событий, непременно узнавали историю из уст очевидцев. Правда, количество негодяев-рейдеров, упоминавшихся в рассказах, все время возрастало, и сейчас уже выходило так, что мы вдесятером сражались едва ли не с полусотней злодеев. Так что тревога за уходящие из крепости группы была вполне искренняя. И опасения за себя — тоже, хотя и в меньшей степени. Впрочем, монументальная фигура Жеки развеивала эти опасения в тот же момент, когда на нее падал взор. Причем даже у меня.

— Стас, не спеши и не подставляйся, — сказал мне друг на прощанье. — Есть у тебя дурацкая черта — нетерпеливый ты.

Сначала выстрели, потом выжди, потом смени позицию и только потом...

— Зануда ты, — хмыкнул я. — Ювелира сразу в следующий рейс не отпускай. Пусть пару дней посидит тут. Людям надо отдохнуть, да и примелькался он, поди, на реке. Опять же, дополнительные резервы у тебя будут. Ты понял меня?

— Не учи ученого, — хлопнул меня по козырьку кепи Жека. — Да, Стас...

Он упорно не хотел звать меня «Сват». В какой-то момент поправлять его мне надоело, и я сдался.

— Ты... это... — Жека замялся. — Если людей встретите, будете же с ними разговаривать?

— Если они первые не начнут стрелять, непременно, — подтвердил я. — А как же. Жека, я все понял. Я буду расспрашивать о ней всех встречных и поперечных. Марика и мне не чужая.

Жека очень волновался за Марику, я это знал. Он бы вовсе бросил все и ушел ее искать, но долг, которым я его самым нахальным образом привязал к крепости, не позволял ему так поступить. Совестливый он у нас, что не может не радовать, но... Впрочем, это уже детали.

— Да я знаю. — Жека махнул своей лапищей. — Ладно, все, валите. Вон, солнце уже высоко.

Я не без радости выполнил его пожелание и перелез через пролом в стене, после чего крикнул остальным:

— Двинулись помаленьку. Легко уходить и радостно возвращаться — такова доля солдата. Пошли, пошли!

ГЛАВА 2

— Тор, Перстень, Фрейя — дозорная группа, — командовал Наемник, как только мы поднялись на холм, возвышавшийся за стенами замка. — Отрыв от основной группы — не менее километра, в случае обнаружения потенциальной опасности по возможности свое присутствие не обозначать, в огневой контакт не вступать. Фан, Крепыш, Тюлень, Рыкун — замыкающие. На остальных — сопровождение и защита гражданских лиц.

Когда Наемник узнал, что именно ему предстоит командовать группой сопровождения в рейде, он сначала просто удивился, а после, подумав, очень-очень удивился.

— А как же?.. — Он не закончил фразу, многозначительно глянув на меня.

— А что я? — Мне оставалось только пожать плечами. — В настоящий момент лидер группы ты, я же, скажем, офицер, и не более того. Ну если только не случится чего-то эдакого... Но, надеюсь, не случится.

— Это как-то неправильно. — Наемник пощелкал пальцами. — Субординация...

— Если ты заставишь меня отжиматься, это, конечно, будет перебор, — ответил ему я. — И на одной ноге стоять, на предмет улучшения равновесия, я тоже не соглашусь, хоть дело, в принципе, полезное. Ты пойми: «волчата» еще учатся, этот рейд для них — словно экзамен в начальной школе. Как писать научились, как считать. И готовили их в первую очередь ты и Жека, так что вам экзамен и принимать. Ну в данном случае — только тебе. А я на это все посмотрю со стороны. Да и потом, я с них ведь как с бойцов начну спрашивать просто по привычке, а они пока ни разу не бойцы, так что неправильно это... А вот с вас, между прочим, спрошу по полной, если после первой серьезной стычки «двухсотых»¹ будет много. За ветеранов не спрошу — за Настю, Арама, Павлика, с ними все ясно, они живут по другим правилам, они у вас не учились. За Одессита даже приплачу тому красавцу, который ему голову прострелит. А вот за «волчат» отвечать придется.

Насчет другого спроса с тех, кто пришел когда-то в эту крепость первыми, я загнул, но в принципе рациональное зерно здесь было. Я сознательно не стал отправлять никого из ветеранов (уже ветеранов!) на обучение, хотя кое-кто из них просил меня об этом. Я не хотел, чтобы между «волчатами» были какие-то отличия, чтобы про кого-то в учебной группе говорили «он из тех, из первых». Будущие бойцы семьи все должны быть равны, по крайней мере, на стартовой черте. Понятное дело, что потом все равно будет деление на тех, кто лучше стреляет, и тех, кто лучше думает, на стратегов и исполнителей. Но это потом. А сейчас они одно целое, они стая равных.

И, надо заметить, такой подход давал свои плоды. Сейчас ребята действительно смотрелись как нечто целое. А самое

---

¹ Кодовые армейские обозначения потерь личного состава. «Двухсотые» — убитые, «трехсотые» — раненные.

главное, у них появились зачатки кастовости, когда я это заметил, то с удовольствием потер руки. Мысленно, разумеется.

Кстати, в тот же день, как я это углядел, у меня как раз случился один очень интересный разговор с Дарьей. Она, как баба умная и прямая, тоже заметила то, что «волчата» уже и едят отдельно, да и вообще особо не стремятся к общению с другими соплеменниками. Это ее встревожило, да и не ее одну. Но пришла ко мне именно она, наверное, потому, что относилась к той породе людей, для которых важно все происходящее вокруг, независимо от того, где именно и с кем что-то случилось. И еще потому, что не любила откладывать волнующие ее темы на потом.

Придя ко мне вечером, она сразу же, от порога, начала пенять на все вышеперечисленное. Я очень внимательно ее выслушал, а после сообщил, что не вижу в этом ничего плохого. То, что армия и народ едины, выдумали политики в двадцатом — двадцать втором веках и популяризировали этот лозунг всякий раз, когда сокращали численность армейского аппарата, пока не угробили его вовсе.

На самом деле армия, особенно если она профессиональная, а не народная, — это отдельная статья. И в государстве, и в обществе, и даже в судопроизводстве. Это общность людей, которые умирают ради того, чтобы жили другие. А, стало быть, с них и спрос другой, и образ жизни у них от остальных отличен. И это я про образ мыслей молчу. Проще говоря, это именно каста, со своими законами и правилами.

Дарья, выслушав меня, помолчала, а после опасно сказала:

— Да это-то все понятно. Мы все понимаем: войско растишь, защиту нам и все такое. В большинстве своем народ рад, что скоро можно будет спать спокойно. Только некоторым вот страшно немного становится. Сейчас-то они защита, а потом?

— Даш, ты это бросай. — Я понял, что она имела в виду. — Точнее, вы это бросайте.

— Чего бросайте? — поджала губы женщина.

— Голову себе ерундой забивать. И парламентаров слать. — Я добавил в голос стали. — Вспокоились, понимаете ли, они. Переговорщики, тоже мне.

— Вспокоились, — не стала увливать Дарья. — Это ты их «волчатами» с любовью называешь, а люди вот бояться начинают и слово это потихоньку со страхом начинают произно-

сить. А ну как эти «волчата»... Они же убивать учатся! Да с таким прилежанием, я же видела!

— Так! — Я стукнул кулаком по столу. — Дарья, не пори чушь. Да, ребят тренируют на совесть. Да, их будущее — не пахать землю, не ковать железо и не выращивать виноград. Я этого и не скрываю. Да, их учат убивать. Но ты сама подумай: а как без них? Даже не конкретно без них, а без тех, кто сумеет защитить других? Как в прошлый раз — народное ополчение собирать и надеяться, что тех, кто придет за нашими головами, будет меньше и вооружены они будут хуже?

— Да это тоже все понятно. — Дарья явно маялась. — Но... повернуться ведь по-всякому может?

— Так давай тем людям, которым страшно, объясним, что никто их в крепостные переводить не собирается, — устало попросил парламентаршу я. — И клеймить не станет. Я тебе больше скажу: есть у меня серьезное подозрение, что большинство «волчат» скоро будет наведываться в крепость лишь время от времени — передохнуть от рейдов и отчеты с трофеями сдать. И еще, вернусь к другой теме, — это что такое? Почему ко мне уже начали выборных присылать? Почему просто не поговорить об этом за ужином, я же ем с вами вместе?

Дарья потупилась и покраснела, это было довольно странно видеть. Я, по крайней мере, впервые созерцал нашу хозяйственницу смущенной.

— Так что скажи тем, кто тебя послал, чтобы они заканчивали дурака валять. — Я пальцами поднял ее подбородок и глянул ей в глаза. — Причем по всем пунктам сразу. Мы все — одно целое, у нас тут симбиоз, и никакого сословного расслоения не предвидится. Да, есть начальники и подчиненные, ты вот тоже руководитель. Но что это меняет? Ничего. Даш, нам жить надо. Хотя какое там... Выживать еще пока, не жить даже. А вы такой дурью маетесь! И еще — если узнаю, что где-то какие-то шушуканья и разговоры идут, то найду того, кто это все начал, и из крепости вышвырну. Невзирая на лица. Или попросту расстреляю, образцово-показательно. Ты меня знаешь, я могу.

Надо думать, разговор был доведен до наиболее пугливой части общества, и ненужные разговоры прекратились полностью. Я так думаю, что этих опасливых граждан и было-то всего ничего. Я, по крайней мере, совершенно не заметил, чтобы «волчат» кто-то боялся, особенно слабая половина человечест-

ва, из тех, кто помоложе. Наоборот, девчата ими усиленно интересовались.

Отряд бодро шагал по равнине, крепость давно скрылась из виду. Погода, как и всегда, радовала — небо синее, солнце яркое, а воздух еще не растерял утренней свежести.

Что примечательно: за все время нашего нахождения в новом мире так здесь ни разу не шел дождь. Изредка на небе появлялись облачка, легкие и прозрачные, но этим дело и заканчивалось. Такое природное явление очень удивляло наших умников и печалило тех, кто занимался сельским хозяйством. Они предрекали большие неприятности в том случае, если подобная погода является здесь нормой, совершенно не желая принимать во внимание тот факт, что реальность, где мы очутились, не совсем настоящая.

— Ветер есть? Есть! — экспрессивно отгibal пальцы итальянец-виноградарь в одной беседе со мной. — Солнце жарит, как сборщик налогов! Вода? Ее много, но она далеко, а поливочных систем у нас нет! Такими темпами скоро солнце высушит траву, а ветер выдует землю! *Finita!*

Как по мне, наш эмоциональный друг немного стусил краски, но Проф, почесав затылок, сказал мне чуть позже:

— Меня пугает не столько то, что дождя нет, как то, что может случиться, если он начнется. А если здесь погода сезонная? Как в джунглях? Сначала солнце, потом дождь или, что того хуже, снег, да еще и на пару-тройку месяцев? Представь себе: снег, который безостановочно валит пару месяцев. Это же ужас! Как ты помнишь, Сват, тут все смешалось, и погода этому миру могла достаться, например, от постапокалиптической реальности, с определенными нюансами, само собой. Как вариант, без ядерной зимы и радиоактивных осадков, но зато перевернутая шиворот-навыворот.

Не знаю, прав Проф или нет, но мы уже почти месяц тут живем, а дождя ни разу не видели. Впрочем, в прежнем мире такое летом тоже случалось. Я помню один год, когда осадков не было с июля по ноябрь. Вообще никаких. А потом, в ноябре, как влупил снег и шел три дня подряд, засыпав пол-России и пол-Европы, причем даже в тех странах, где до этого он являлся экзотикой. Правда, нашу покойную Землю так колбасило, что подобное не слишком кого-то удивило.

— Суслик. — Милена ткнула пальцем в представителя местной фауны, который застыл столбиком шагах в десяти от

нас, забавно шевеля усами и сверкая черными пуговками глаз. — Какой смешной!

— Жирненький балпак, — причмокнул Джебе, один из «волчат».

Он был уроженцем казахских степей и, надо полагать, знал в сусликах толк.

— А что? — засмеялась Фира. — Хорошее может выйти блюдо — суслик, запеченный столбиком!

— И фаршированный зерном, — немедленно уточнил Одессит. — Так сытнее будет.

Джебе задумчиво смотрел на грызуна и похлопывал себя по бедрам, в его взгляде явно читалась мысль о том, что суслик — это еда.

— Не надо, — возмутилась Милена, которая явно предугадывала последующие действия «волчонка». — Не трожь его!

Наша магесса-модельер была все так же мягкосердечна к созданиям живой природы. Но при этом людей, судя по всему, она частью природы больше не считала, и виной тому был все тот же вооруженный конфликт.

Уже на следующий день после столкновения с рейдерами она изъявила желание максимально усилиться как маг и окончательно добила меня требованием в случае военных действий или чего-то такого непременно включать ее состав боевых групп.

Я тогда мысленно стер со лба трудовой пот. На самом деле я очень переживал за то, что все три обладательницы магических талантов как-то не слишком стремились их развивать. Это было обидно, это были незадействованные ресурсы. И если юная француженка как боевой маг была не слишком полезна, то Милена очень бы нам пригодилась. Да и пригодится еще, я в этом уверен.

— Оставь ты его, пусть живет. — Одессит показал на Милену, которая, нахмутив брови, грозно смотрела на Джебе. — Что с него приварка? Я тебя умоляю. Дойдем до леса — зайца добудем или кого посерьезней.

Да, в лесу и в степи появилась живность. Все происходило так, как когда-то предвещали два наших умника. Сначала в реке заплескалась рыба, потом в воздухе начали жужжать насекомые и порхать птицы, причем сначала всякая мелочь, вроде малиновок и скворцов, а после и серьезные представители

пернатых. Я видел сокола и аиста, Настя же говорила, что заметила даже орла.

За птицами пожаловали и животные, причем по тому же принципу. Сначала мы увидели грызунов, и самый первый их представитель, попискивая, сразу же направился на кухню, видимо, движимый вечным инстинктом. Он плюнул на то, что на дворе был день и кухня у нас расположена под открытым небом. И даже на то, что там сроду не найти ни круп, ни сыра.

Я в жизни бы не подумал, что Генриетта умеет так кричать. Это был даже не крик, это был рев парохода в тумане, это был трубный зов, который мог бы сбить с панталыка слоновье стадо, заставив его заподозрить, что вожака вызывает на бой более молодой и сильный соперник. Нашу фрау главного повара испугала мышь. И не просто испугала — хвостатая гостья загнала ее на лавку.

Хотя, ради правды, мышь была знатная. Серая, здоровая. И наглая, как танк!

Впрочем, радоваться ей долго не пришлось. Нет, тогда она убежала, надо полагать, думая, что она теперь здесь царь и бог. Как бы не так!

Эволюция погнала животный мир на этой планете таким галопом, что мы только диву давались. Путь от крупного до великого, от мыши до медведя был пройден дней за десять или около того. Медведя, правда, мы не видели, но Аллочка, у которой в заднице было шило, что постоянно гнало ее куда-то подалее от замка, утверждала, будто слышала его рев.

В один из таких дней, когда Аллочка гуляла за крепостными стенами, у нас и появилось мышиное горе. Впрочем, горе явно не только мышиное, поскольку если раньше я грызуна считал наглым, то я ошибался. Куда ему было до Бандолеро¹, сокращенно Банди.

Этого камышового кота в крепость приперла все та же Аллочка, которая с женщинами навевывалась в лес у Дальнего мыса, она же и придумала имя, которое шло безобразнику до невозможности. Она утверждала, что это не чистокровный камышовый кот, что он метис, но, глядя на желтоглазую усатую и мелкоуголовную рожу Бандолеро, становилось ясно — нет в нем домашней крови. И он точно гуляет сам по себе.

---

¹ Б а н д о л е р о — мексиканские контрабандисты и разбойники. Люди отважные, но совершенно не законопослушные.

Но, как ни странно, он никому лицо не расцарапал, в первую же ночь передумал кучу мышей, надо думать, чтобы доказать свою полезность, поскольку жрать он их не стал, а выложил рядом неподалеку от кухни. В конце концов он покинул Аллочку, предпочтя ей в качестве хозяйки Генриетту. С того момента только она могла его гладить и только ее он хоть как-то слушал.

Я врать не буду — стороной его обходил. У него же под шерстью не мышцы — стальные канаты. А когти какие... Да и не люблю я кошек и котов. И никогда не любил.

Апофеозом же прогресса животного мира у нас пока считался лось. Ох и здоровая была зверюга! С чего он вылез из леса — неизвестно, по идее, его голоса наших женщин должны были спугнуть, а не приманить. Но он вылез. Себе на беду, поскольку Перстень, один из «волчат», поджарый парень родом из Прибалтики, не оправдал распространенного в народе мнения о некоторой заторможенности уроженцев тех мест и всадил в него очередь из автомата.

Нести эту зверюгу в лагерь было нелегко, но каким же этот лось оказался вкусным!

И что примечательно — все звери были аналогами земных. За все это время мы не увидели ни одного мутанта. Да что мутанта — даже просто неведомых зверушек не встречали.

А ведь они есть. Даже если забыть про ту нечисть болотную, то можно просто открыть Свод и почитать о том, какая фауна, кроме привычных нам видов, тут обитает. Синебрюх усатый, шишкунчик ильюшестый, сумчатник. Ну и памятный мне шушпанчик из рецепта. Если они в Своде есть, то и в мире быть должны. Вопрос только: где они ошиваются? Нам пока все это звериное изобилие не встречалось. Может, и к лучшему. Я, конечно, не знаю, насколько опасен шишкунчик ильюшестый, хотя мне почему-то кажется, что существо это на редкость пакостное и зловредное. Да и от синебрюха усатого я бы точно ничего хорошего не ждал.

Правда, наша профессура была склонна считать, что те ходячие пеньки на болоте тоже были частью фауны, но я в этом не был уверен. Не тянули они на животных, никак не тянули. Впрочем, со временем мы их проведем и тогда точно выясним, кто они на самом деле. Индикатор проверки прост по своей сути. Если тело исчезает, значит, не животный мир.

Но в целом появление животных обрадовало нас до невозможности. С ними жить веселее. И сытнее. Мясо — это мясо, это тебе не сушеная рыба, тут стратегические запасы можно начинать заготавливать. Собственно, мы уже начали.

— Вон в той рощице есть родник, — оторвал меня от воспоминаний звонкий голос Милены. — Насть, помнишь это место?

— Мы тут Профа подобрали, — отозвалась Настя, улыбувшись.

Да, это была та самая рощица, где мы в свое время устраивали привал, когда шли из леса к предполагаемой реке. Вроде как вчера было. Хотя что такое в масштабах Вселенной месяц? Миг. А ведь сколько всего произошло за это время.

— Привал полчаса, — скомандовал Наемник и по привычке поднес руку к уху — искал микрофон, чтобы сообщить об этом группе наблюдения.

Привычки вообще пока еще нас не покинули. Я, например, просыпаясь, всякий раз хочу стукнуть по кнопке будильника, Настя, когда над чем-то думает, инстинктивно ищет наладонник, шаря рукой у пояса, а одна женщина, которую совершенно не мучают головные боли, потому что их тут нет, периодически трет виски и жалуется на мигрень. Рефлексы.

— Вот черт. — Наемник, обернувшись, глянул на меня. — Не продумал я этот момент.

— Нормально, — успокоил его я. — Мы только нарабатываем опыт. Я бы тоже только-только об этом сообразил. Да оно так и есть на самом деле. Ничего, пошли кого-нибудь за ними. И охрану выстави, от греха.

Не скажу, чтобы я очень боялся нападения. Точнее, я все время был настороже, видимо, со временем это должно было стать моим привычным состоянием, но здесь и сейчас... Степь — она ровная как стол, видно далеко. И потом, без лишней скромности, мы достаточно крупный отряд, вооруженный если не до зубов, то очень неплохо по меркам этого мира. Не думаю, что вот так, без подготовки, кто-то на нас рискнет навалиться. Но бдительность терять нельзя.

Поисковики в разное время засекли несколько групп, которые они идентифицировали как «потенциально опасные». Разведчики сразу понимали, что это не кучка растерявшихся и неприкаянных людей, которые ищут еду и пристанище, а именно организованные группы, идущие куда-то с конкрет-

ными целями. Из снаряжения у них было преимущественно дреколь, то есть то, что можно найти в свободном доступе. Но не у всех. Один из наших поисковых отрядов, охотясь на Окуня, видел людей, вооруженных и огнестрелом, причем группа была немаленькой, человек в десять, и стволов у них было немало. Наши видели их издалека, опознать стволы было проблематично, а приказа «схватить и отобрать» не поступало. Напротив, был прямой запрет на огневой контакт, ну, при условии, что перестрелка не будет носить защитный, оборонительный характер. Вооруженные люди какое-то время шли вдоль кромки леса, а после углубились в чашу.

После того как я это услышал, сразу же отдал распоряжение еще больше усилить группы сопровождения людей, которые ходят в лес у Дальнего утеса. На всякий случай, от греха подальше. Был еще соблазн встать «на след» той группы и их всех перебить, стволы — это стволы, но потом я передумал. И времени прошло немало, поди их догони, да и народ еще у меня не настолько натаскан на подобное. И технически, и морально. Вот обучим как следует, выбьем ненужные принципы и либеральные земные замашки до конца, и тогда...

А в рощице ничего не изменилось. Деревья шуршат листвою, негромко что-то лепечет родник и все так же приятно-прохладно в тенишке.

— Не спать! — зычно гаркнул Наемник. — Полчаса — и идем дальше. Наша цель — до темноты добраться до леса.

— Дойдем, — заверил я его. — Как раз к темноте и дойдем.

Как мне помнилось, мы тогда, вчетвером, еще с покойным (для нас) Трифоном, покинули лес сильно за полдень и дошлепали до этой рощицы часа за полтора до заката. Стало быть, и в обратную сторону идти столько же. А то и быстрее.

Заночуем еще все вместе, ну а после все будет просто. «Волчата» обшарят лес в радиусе пары-тройки километров, чтобы убедиться, что там нет никого, кто может повредить нашим изыскателям, после отряд разделится. Мы пойдем своей дорогой. Ну а те, кому предстоит исследовать бункер, останутся еще на день-два, в зависимости от результатов.

К этой вылазке готовились давно. Не все, конечно, а отдельные граждане нашего поселения. И как же некоторые из них сквернословили, когда узнали, что никуда не идут. Некоторые — это Рэнди и Проф.

Я все понимал. Именно они носились с этой идеей больше других, именно они планировали поход и именно им я запретил в него отправляться. Слишком много рисков. Слишком далеко. И еще — они слишком нужны семье, слишком много для нее значат. Я бы и Голда не брал, но его фиг оставишь.

Как же они (Проф и Рэнди) на меня злобно смотрели после того, как я им сообщил о своем решении! Испанец прошипел мне в спину какое-то ругательство на родном языке и вроде как даже плюнул мне вслед. Понимаю его чувства и не обижаюсь. Пусть ругаются. Зато они живы останутся, если что.

Хотя «если что» я постарался свести к минимуму, поскольку и тех, кто пошел, мне терять совершенно не хотелось. Даже не то что не хотелось, слова-то какие неправильные. Недопустимо было их терять.

От ученых с нами отправился Герман. Рэнди же делегировал свои полномочия Фире, с которой он нашел общий язык. Он, кстати, был категорически против того, что ее определили к «волчатам». Нет, потом я объяснил ему причины этого решения, и он с моими доводами даже согласился, хотя все равно расстроился. Эмоциональная нация, что поделаешь. А Лена, которую он уже называл «*mi esposa*»¹, напротив, искренне этому порадовалась. Оно и понятно: рыжая, зеленоглазая и очень симпатичная Фира была серьезной проверкой на крепость молодой интернациональной семьи. А если учесть взрывной характер испанца, помноженный на врожденную страстность...

Ладно, это все лирика. Эти двое по факту были главными в группе изыскателей. Еще в группу входили Арам и изрядно заматеревший за это время Кин, который, по сути, и был командиром над ними всеми. Плюс в поисковую группу вошло трое «волчат». Формально они подчинялись Кину, но при этом получили лично от меня определенные инструкции, которые они были обязаны выполнить в случае серьезной опасности. Кину я, правда, про это говорить не стал. Чего человеку голову забивать всякой ненужной информацией?

Ну и еще в группе было трое мужчин, к которым подходило слово «разнорабочий».

По моим прикидкам, пять хорошо вооруженных бойцов (и это если не считать Фиру) должны были защитить изыскате-

---

¹ Моя супруга (*исп.*).

лей, главное, чтобы они не забывали караулы выставлять и не дрыхли на посту. Ну и не слишком афишировали свое местонахождение криками, воплями и стрельбой.

Признаться, я всерьез подумывал о том, чтобы провести целый день с поисковиками, дав им вволю пошарить в бункере и в окопах, после переночевать под нашей охраной и с утра пораньше отправиться в обратный путь. Мы же помашем им ладошками вслед и со спокойным сердцем пойдем своей дорогой. С одной стороны, в степи не так опасно, как в лесу, там риск куда более умеренный, особенно с неплохой огневой мощью, там за них можно почти не волноваться. С другой — времени жалко, это лишние сутки как-никак.

Полчаса миновали быстро, даже слишком, и уже скоро мы снова двинулись в путь. В какой-то момент, часа через два хода, я заметил, что Джебе, шагавший рядом со мной, время от времени оглядывается назад, поднося ладонь ко лбу.

— Чего высматриваешь? — спросил я у него и тоже глянул в том направлении, которое его заинтересовало, правда, ничего и никого там не увидел.

— А вон. — Джебе показал мне на небо, где далеко, буквально на линии горизонта, виднелись небольшие облачка. — Я такое дома видел.

— Тоже мне, удивил. — Настя, которая привычно шагала рядом со мной, фыркнула. — Кто такого не видел? Облака и облака.

— Такое бывает перед тем, как приходит, — и тут Джебе сказал какое-то слово на родном языке. — Как бы это так перевести... Перед песчаной бурей.

Остановившись, я более пристально взгляделся в горизонт, то же самое сделал и Герман, который слышал наш разговор.

— А парень прав, — внезапно поддержал «волчонка» ученый. — Таких облаков я до этого не видел. Смотри, они не хаотичные, они идут фронтом. Нет, песчаной буре здесь взяться неоткуда, а вот просто гроза... Почему нет?

— Песчаная буря — очень страшно. — Джебе был крайне серьезен. — И это очень на нее похоже. Смотрите, как быстро они движутся.

И правда, поговорили-то мы всего-ничего, а между тем облака как будто спрессовались и были видны куда лучше. Невесть откуда налетел ветерок, довольно прохладный.

— Очень похоже, — покрутил головой Джебе. — Очень.

— Наемник, — окликнул я американца. — Давай-ка шагу прибавим. Не дело, если нас эта мокрота тут прихватит. В лесу, разумеется, это тоже не сильно в радость, но там бункер, в котором хоть и темно, но, по крайней мере, сухо. Опять же, костерок запалить можно.

Уже через час стало очевидно, что «волчонок» все предсказал верно. Облака по мере приближения к нам сначала превратились в серо-белую густую массу, а после налились нехорошим темно-синим цветом. И еще мы заметили белые спиралеобразные сполохи.

— Ох не нравится мне это дело, — бормотал Герман, тяжело дыша, — мы двигались уже не размеренным шагом, а почти бегом, спеша до начала грозы (а может, и бури, об этом говорили шквалистые порывы ветра, такие сильные, что чуть ли не сбивали нас с ног) добраться до леса.

Мне это тоже не нравилось, я даже пару раз ругнулся в душе на себя самого. Вот, подумал о том, что дождя нет, — получил результат. Даже с процентами. Сглазил.

Когда мы вбежали в лес, все вокруг уже стало мрачно-темным. Огромных размеров туча закрыла синеву неба и поглотила солнце, над нами раздавался мрачный мерный рокот, и мне эти звуки напоминали дальнюю канонаду. «Волчата», те, которые были отправлены в головной дозор и пришли в лес раньше нас, чуть ли не с открытыми ртами смотрели на эту природную вакханалию. Оно и понятно — они не выступали участниками картины «Дети, бегущие от грозы», чего не посмотреть?

— Можете поднять меня на смех, можете говорить что угодно, но нам надо срочно искать убежище, — прокричал Герман, пытаясь заглушить скрип качающихся деревьев. — Я не знаю почему, но оставаться просто под открытым небом не стоит. Интуиция, понимаете?

— Да это все понимают, — ответил ему Наемник. — Сват, где бункер?

Чего спрашивать? Я и так вертел головой, пытаясь вспомнить, в какой он стороне. Понятное дело, что мы вошли в лес не там, где когда-то из него выходили, а ориентиров особых тут не было. Деревья да кусты... Кусты. Точно-точно.

— Насть! — окликнул я. — Это не тут мы ягоды собирали?

— Здесь, — подтвердила Настена, которая с непривычным для нее испугом смотрела на мрачную картину грядущего не-настья. — Сват, там лицо.

И она вытянула руку вперед, показывая на равнину, откуда мы только что пришли.

— Какое лицо? — не понял я и глянул в том направлении, куда она указывала.

Забавно. Тучи, наслаиваясь друг на друга, и впрямь сформировали нечто, похожее на гигантских размеров недовольное человеческое лицо.

— Девочка моя, тучи еще и не такое могут сделать. — Я потрепал Настю по плечу, отметив, что она дрожит, должно быть от холода. — Атмосферное явление, смещение фронтов.

— Хорошо, коли так, — негромко сказал Герман, очень пристально рассматривающий «атмосферное явление». Он это сказал негромко, даже тихо, но я его услышал.

— Бегом, бегом!

Только мистики мне и не хватало. Этой дряни только дай появиться — она как ржавчина всю группу разъест, потом мутирует в страшную байку и начнет по крепости ползать. Тучи это. Тучи. И все.

Ветер гнул деревья с такой мощью, что иногда я боялся, как бы они не сломались и не завалились на нас. И потому, когда наконец появился приметный холм, в котором был бункер, у меня возникло ощущение, что я попал домой.

— Вот он, — толкнул я в плечо Наемника, кричать уже почти не имело смысла — треск, свист и постоянные раскаты грома оглушали нас.

Тот понятливо кивнул раз, а потом еще раз, когда я жестом показал ему, что надо огибать холм и вход с той стороны, а времени у нас совсем не осталось.

Здесь явно так никто и не побывал, все без изменений. Яма, вода, черный провал входа.

— Дрова, — почти в ухо крикнул я Наемнику и прихватил крепкую лесину, которую, по-моему, сам когда-то сюда и принес.

И снова он меня понял, подхватив трухлявое бревно. «Волчата», глядя на него, тоже кинулись собирать ветки.

— Вниз, вниз, — заорал я и столкнул Германа в яму, следом за ним скатились Настя и Милена.

Оглушительные раскаты грома грохотали прямо над нами, как огромные барабаны, возникало ощущение, что они отбивают некий варварский ритм.

— Черт! — на грани слуха донесся до меня вопль Наемника, смотревшего в сторону равнины, которая проглядывала сквозь деревья. До нее было не так уж и близко, метров пятьсот, но лес редкий, а потому и видимость неплохая, даже несмотря на стгутившиеся сумерки.

Я подбежал к Наемнику и чуть не открыл рот.

Лицо в небесах никуда не делось. Оно все также кривило рот в недоброй усмешке, но теперь к ней добавилось еще кое-что. Из огромных ключев туч, которые были похожи на глаза, срывались вниз огромные белые молнии. Они буквально впились в землю, буровя ее одна за одной.

И там, куда била очередная молния, вздымались вверх огромные клубы пыли, комья земли, камни.

— Вниз! — пихнул я в плечо Наемника. — Вниз!

Я не знаю, что это, скорее всего — просто атмосферное явление. Но проверить я это не стану, ни к чему оно. Главное — есть убежище, где можно пересидеть. А там видно будет.

Мы были последними, кто нырнул в сырой провал входа.

И как только мы это сделали, за нами что-то гулко громыхнуло.

— Вовремя мы, — неожиданно спокойно сказал Герман. — Через пару минут здесь будет эпицентр этого... Этого явления.

— Пусть его, — хмыкнул я. — В бункере, как я и говорил, тепло и сухо. Народ, у кого есть фонари, осветите. И вот еще что — давайте сразу устроим переключку, пока от входа далеко не ушли. А то, не ровен час, кто потерялся, а мы и не заметили?

ГЛАВА 3

Хвала небесам, все оказались на месте, никто по дороге не отбился. К слову, случись такое, пришлось бы сначала идти искать потерявшегося человека, а потом, скорее всего, еще и тех, кто отправился на его поиски. Судя по звукам, за пределами бункера творилось что-то несусветное — треск ломающихся деревьев, грохот раскатов грома и рев разбушевавшейся стихии заставляли вздрагивать не только эмоциональных Милену и Фиру, но и некоторых «волчат».

— Сущее безумие. — Герман, ведомый двумя обычными для всех ученых (тех, кто является настоящими учеными, а не карьеристами от науки) чувствами — любопытством и бесстрашием, которое, надо полагать, являлось производным от любопытства, направился к выходу и вскоре зашлепал там по воде. — Ох ты ж ничего себе!

В этот момент что-то особенно громко стукнуло прямо над головой, и Герман буквально отлетел от входа, крепко приложившись спиной об пол.

— Живой? — поинтересовался у него я, заметив, что ученый шевелится. В самый первый миг я за него испугался, но тут ведь как — если ты убит, то падать не надо. Ты просто сразу станешь ничем. Раз шебаршится, стало быть, жив.

— Не вполне, — ответил тот и со стоном сел на полу. — Однако!

— Что это было-то? — опасливо поинтересовался Арам.

— Молния. — Герман потряс головой. — Над нами сейчас, похоже, самый эпицентр погодного безобразия. Но это ненадолго, тучи по небу движутся просто с сумасшедшей скоростью, скоро атмосферный фронт уйдет дальше.

— Н-да. — Я почесал затылок. — Боюсь, наделала эта красота бед в крепости. За дома-то я не беспокоюсь, там такая кладка, что ее и артиллерией не сразу раскурочишь. И за людей я не слишком тревожусь — народ у нас умный, пуганный, под молнии доброй волей не полезет. А вот подсобные хозяйства — пасека там, виноградники — это пострадать могло. Я уж молчу о сушилках на берегу. А ведь я предупреждал, ведь говорил...

— Может, и обойдется. — Голд вздохнул. — Не забывай — этот виноград как-то в лесу рос и выживал. Или ты думаешь, что здесь раньше такого не было?

— Возможно, что и не было, — вместо меня ответил Герман, окончательно оклемавшийся после полета. — Гипотетически до нас тут вообще ничего не было, и все появилось только тогда, когда появились мы. И то не сразу. Хотя, если предположить, что это не так... Но тогда такой дремучий лес логических выкладок начинается, что в него лучше и не лезть.

Бедняга Луиджи, он так переживал, что осадков нет. Теперь они есть, но много ли ему с них радости?

А что до предположений... Их куча. И у меня тоже есть свои собственные мысли на этот счет.

Тем временем грохот над головой подутих, зато появился какой-то мерный гул.

— Господи Иисусе, это еще что такое? — страдальчески сказала Милена. Она сидела на полу, обняв колени, и смотрела на меня испуганными глазами.

— Сейчас глянem. — Герман, которого жизнь, похоже, ничему не учила, снова поднялся на ноги и рванул к выходу.

— Вот же неугомонный, — покачал головой Голд. — Как ребенок, честное слово.

— Это дождь начался, — сообщил нам Герман через мгновение. — Точнее ливень. А еще точнее — я не знаю, как такое называется.

Это было интересно, и я тоже решил глянуть на то, чему даже наш всезнайка не нашел названия.

Лучше всего увиденное мною характеризовало словосочетание «стена воды». Мириады капель падали на землю, создавая некое подобие непроницаемой пелены. Сквозь эти струи, летящие с неба, не было видно даже того, что творилось шагах в десяти от нас.

— По крайней мере, это нормальное атмосферное явление, — очень тихо сказал мне Герман. — Без примесей какой-либо мистики — и это уже хорошо.

— Такие ливни долгими не бывают, — со знанием дела сказал Наемник, который тоже подошел к нам. — Я подобное видел в Камбодже. Вопрос только в том, что будет после — солнце вылезет на небо или этот дождь сменится другим, долгим и нудным.

— А нас тут не затопит? — Фира как порядочная жительница Израиля с подобными вещами сталкивалась нечасто, там за последние лет сто дожди вообще стали редкостью, и страна очень здорово напоминала пустыню.

— Да нет, — успокоил я ее. — Конечно, если вот такое продолжится несколько дней, ноги мы подмочим, но не более того. Хотя прямо вот здесь, в этом помещении, мы располагаться на ночлег точно не будем, уйдем чуть вглубь бункера.

Собственно, это мы и сделали, запалив костерок в следующей за предбанником комнате.

— А тут даже уютно, — заметила Настя, с интересом озираясь. Она здесь уже была, но тогда мы пробежали это место спешно, подсвечивая себе путь горящими ветками. Сейчас же время у нас было.

— Не сказала бы. — Милене явно было не по себе, она вообще не любила замкнутых пространств. А тут еще и кости по углам валяются, останки тех, кто некогда в этом бункере последний бой принял. — Разные у нас с тобой, Настька, понятия о комфорте и уюте.

— Да кабы только о них. — Настя ответила на автомате, не слишком вдумываясь в слова. — А мы тут не угорим? Дым и все такое...

— Не угорим, — заверил ее Джебе, который костром и занимался. — Его вытянет в дверной проем, не волнуйся.

Наемник оказался прав — вскоре ливень сменился дождем, достаточно сильным, но совершенно привычным, таким, какой мы все не раз видели и в прошлой жизни.

— Надеюсь, что не окажусь пророком, и этот дождь не сезонное явление. — Герман вернулся от входа, где провел последние минут двадцать. — Меньше всего мне хочется тащиться ни с чем обратно, да еще и в мокром виде.

— Почему ни с чем? — удивился я. — Ну да, в этом случае в земле ты не покопаешься, факт. Но кто тебе помешает обшарить бункер? Наверняка что-нибудь здесь найдем.

Я не раз думал про это место и приходил к тому мнению, что мы тогда тут явно много чего просто не обнаружили. Например, посуда, та, что армейского образца. Тут сидели офицеры, а они любят есть три раза в день или даже чаще. Опять же, оружие. Не могло ее тут не быть. Вероятность того, что уцелели стволы, невелика, а вот патроны... Они же в цинках, это вещь достаточно надежная, герметичная.

— Так чего ждать? — Герман оживился и достал из кармана «жучок» — фонарик, который приводился в действие методом нажима на специальные клавиши, расположенные на корпусе. Два десятка таких фонарей мы нашли на складе и вывезли еще в самую первую поездку и половину этого запаса взяли с собой в рейд. — Идем прямо сейчас. Ну, по желанию, конечно, кто спать не хочет.

— Не пойду, — замахала руками Милена. — Мне и здесь-то жутко. И еще — оставьте здесь со мной кого-нибудь, а?

— А я пойду, — тут же заявила Настя. — Только я тоже фонарик хочу.

— На. — Наемник протянул ей желаемый предмет. — Я здесь останусь, если, конечно, других команд не последует.

Не по душе мне в пыли копаться, не мое это. Опять же, смотреть надо, чтобы народ на посту не уснул, они это любят.

Он глянул на меня.

— Мероприятие только для тех, кто хочет, — кивнул я. Собственно, наше участие в нем изначально не планировалось, это был приоритет поисковиков. Но я лично схожу. Почему нет?

В результате вглубь старого бункера отправилось десять человек, и, что немаловажно, каждому досталось по фонарю.

— Временем пахнет, — прошептала Фира, которая шла напрямиком за мной. — Знаешь, его как будто в консервную банку закрыли.

— Это пыль, — ответил ей Тор, прагматичный и точный в формулировках, как все северяне.

— Да нет, приятель. — Одессит потоптался в углу помещения, которое мы осматривали, и толкнул ногой скелет, на котором сохранились клочки материи. Тот развалился на отдельные кости, череп несколько раз подпрыгнул на полу и остановился, обратившись пустыми глазницами напрямиком к нам. В центре лба была аккуратная дырочка с ровными краями. — Не пыль, а таки прах и тлен. И давнишняя смертушка. Этого, похоже, добывали.

Герман обшаривал каждый угол, чуть ли не каждый метр помещений, но ничего нового, ничего такого, что бы мы не видели в прошлый раз, не находил. Все те же кости, пуговицы и пряжки на полу, какие-то стеклянные обломки, ошметки металла и пластмассы, объединенные временем, обрывки проводов и цилиндрики гильз.

— Гильзы надо будет собрать, — рачительно заметила Фира. — Это металл, он всяко пригодится. Опять же, может, еще порох сварганим, пули лить научимся. Рэнди — мужик рукастый.

— Все вывезем, — сердито посмотрел на нее ученый. — Кроме костей. Да, хорошо бы и их собрать.

— Не пугай меня, яйцеголовый. — Настя повертела пальцем у виска. — Они-то тебе на кой?

— Похоронить? — уточнил я у него. — Верная мысль, подерживаю. Они были солдатами и погибли честно. Наверное. В любом случае, дело это недолгое и несложное, но по жизни правильное.

— Опа, — мелодично, немного по мультипликационному, прозвучал голос Фиры. — Сват, что-то мне подсказывает, что вот в эту дверь вы не входили в свой прошлый визит.

— Глазастая. — Голд похлопал еврейку по плечу. — Эсфирь, вы не женщина, вы клад. Вот только вашему будущему мужу я не завидую — с таким глазом-алмазом вы его насквозь будете видеть.

— Значит, буду искать такого, которого это не смутит. — Фира засмеялась, в свете фонарей блеснули ее белоснежные зубы. — Сват, но я же молодец?

— Да еще какая. — Я подошел к двустворчатой двери, которую в прошлый раз мы точно прозевали, да это было и немудрено — от входа в бункер она располагалась далековато, и эти комнаты мы осматривали уже в спешке — заканчивались ветви, выполнявшие роль факелов, да и жутковато было, чего греха таить.

Хотя само помещение, где мы сейчас оказались, мне помнилось, еще тогда я предположил, что здесь располагалось что-то вроде командного пункта — расстрелянные подвесные экраны и компьютеры, десяток скелетов, причем погибшие явно были офицерами, судя по истлевшим остаткам фуражек и погон. Судя по всему, они дрались до конца, и их просто забросали гранатами.

К тому же дверь, которую мы тогда проглядели, была надежно завалена всяким хламом вроде упавших шкафов и сверзившихся с потолка жестяных основ для ламп дневного света.

Двое «волчат», Крепыш и Драго, без всяких просьб и приказов начали разбирать мусорный завал, преграждавший проход. Прогнившие доски рассыпались в труху, жесь скрежета ла по полу.

— Странно. — Голд расстегнул кобуру, причем явно инстинктивно. Заметил я за ним эту привычку — когда возникал вопрос или проблема, которые были ему непонятны или которые он не мог контролировать, он сразу же расстегивал кобуру. Ну, у каждого свои тараканы в голове. — Тут они всех перебили, а туда даже не сунулись? Почему?

— Не факт, — возразил ему я. — Мусор мог нападать и после. Шкафы стояли у стены и упали, когда подгнили, а фигня эта с потолка вообще везде валяется.

— Чего спорить? — Настя, глядя на Голда, между тем тоже напряглась. — Пойдем посмотрим, да и все.

«Волчата» тем временем разгребли завал, синхронно достали пистолеты и, направив перед собой лучи фонарей, распахнули дверь. Точнее, попробовали это сделать. Дверь не захотела распахиваться.

— Закрыто, что ли? — удивилась Фира.

— На обед, — не удержалась Настя от колкости. — С той стороны чем-то подперто. Вон, створки маленько сдвинулись.

— Толкнем. — Я подошел к двери и налег на нее плечом, створки потихоньку пошли вперед. — Но вообще странно — какой смысл заваливать дверь, если она открывается внутрь? А ну, — нажа-а-али!

Слева в створки уперся Крепыш, справа — Тор, и потихоньку, помаленьку зазор между ними стал увеличиваться.

Металл охлаждал мне кожу.

— Пошла-пошла! — радостно комментировала это Фира. — Давай-давай!

Судя по всему, жизнерадостная еврейка окончательно рассталась с опасениями и сейчас от чистого сердца наслаждалась приключением. Она такая.

В этот момент та створка, на которую напирал я, скрежетнула, хрустнула, и я рухнул внутрь того помещения, проход в которое она закрывала.

Мои ноздри моментально забила пыль. Она была со странным запахом, какая-то резкая, даже пряная.

— Могильник! — охнул Одессит. — Мама моя, это что же здесь было? Сват, ты бы встал, не дело среди мертвых лежать.

Я повернул голову направо и вздрогнул: мой взгляд уперся в слепые глазницы скалящегося в вечной улыбке черепа. И еще одного. И еще...

— Держи. — Голд протянул мне руку, и, ухватившись за нее, я поднялся на ноги. — Снова непонятно. Интересно, кто их штабельком у двери сложил?

— Они сами там сложились, я так думаю, — задумчиво сказал Герман.

Он осматривал коридор, заваленный скелетами, которые рассыпались на отдельные кости после моего падения. Здесь лежало человек тридцать, не меньше. Судя по всему, они пытались открыть дверь, но не смогли, после чего так тут и остались.

— Не стану утверждать, — задумчиво сказал Герман, потирая подбородок. — Но рискну предположить, что их газом тра-

ванули или чем-то подобным. Дверь эту открыли, баллон с газом или гранату специальную кинули, а потом с той стороны снова закрыли. Ну а шкафы просто так обрушили, до кучи, практического смысла в этом нет никакого, ведь дверь внутрь открывается. А люди все здесь остались. Видно, дверь открыть пытались да не смогли. Или не успели.

— Похоже на то, — согласился Голд, поднимая один за другим несколько черепов. — У всех дырки в головах есть, а у этих нет.

— Даже не проверили потом, перемер народ или нет? — засомневался я. — Хотя... Может, спешили. Или еще чего.

— Это служебные помещения, надо полагать. — Голд направил луч фонаря вперед, осветив неширокий коридор, который шагах в тридцати от нас заканчивался поворотом. — И, я так думаю, здесь есть чем поживиться. Насчет оружия не знаю, но вот всякие полезные штуки мы найдем наверняка. Имущество персонала, инвентарь, да мало ли.

— Далеко ходить не надо. — Кин пошуровал ботинком в костной пыли и, нагнувшись, поднял продолговатый предмет. Сталь чиркнула о сталь — это был армейский нож в ножнах. — Если тут поискать, много чего найти можно.

— Например, вот. — Одессит с не слишком большим почтением к останкам оттолкнул один из скелетов, и мы увидели под ним запыленный донельзя автомат. — Как вам?

Я нагнулся и поднял оружие. Не знаю, будет ли оно стрелять даже после того, как его почистят. Но, судя по всему, должно. Оружие напомнило мне ветерана российской армии, автомат системы Калашникова, а он, судя по рассказам, стрелял даже тогда, когда это было в принципе невозможно.

— Потом все здесь обшарим, — скрепя сердце сказал я. Инстинкт требовал все сначала обшарить здесь, унести найденное в надежное и сухое место и только потом продолжать осмотр бункера. Разум говорил, что если это до сих пор не уперли, то уже и не успеют. — Сначала другие помещения.

— Так чего стоим? — возмутился Герман и, осторожно ступая между костей, стараясь не наступать на черепа, поспешно двинулся по коридору.

— И то, — согласился с ним я. — Двинулись.

Голд, как всегда, оказался прав. На моей памяти еще не было ни разу, чтобы его прогноз или расчет не оправдался или не подтвердился.

За поворотом нас ждал еще один коридор с дверьми, часть которых была открыта, часть — закрыта.

— Мама моя! — ахнул Одессит, который невесть как умудрился обогнать Германа и заглянул в первую же дверь, которая была на нашем пути. — Все, народ, двойная порцайка на любом обеде или ужине нам гарантирована! И никуда теперь Фрау не денется, даст мне себя за попу подержать!

Темпераментный уроженец города у Черного моря проникся чувствами к нашему самому главному повару сразу же после второго своего пришествия в крепость. Монументальные формы нашей кормилицы поразили его в самое сердце, и он всячески давал об этом знать не только предмету своей страсти, но и всем окружающим, будучи не в состоянии держать в себе чувства. Увы, но взаимности он пока не добился — педантичная и рациональная, как и все немцы, Фрау не могла адекватно воспринимать порядком расхлябанного и частенько безрассудного Одессита. К тому же она не слишком ровно дышала к Владеку, который в свою очередь питал некие чувства к прекрасной Эльжбете с позывным Пани... Вся эта чехарда вызывала безумный интерес у общества, которому не хватало телевидения с его сериалами и шоу. Люди следили за развитием событий, тихонько обсуждали новости и прогнозировали, кто с кем останется. Точнее, кто останется с Фрау, а кто — с носом.

Ради правды, я всерьез подозревал, что Одессит специально разыгрывает это реалити именно для того, чтобы людям было чуть поинтереснее жить. Такой он человек — любит быть на виду и обожает, чтобы всем было хорошо. Это не такое уж часто встречающееся качество среди людей из того мира, мы ведь все, по сути, индивидуалисты с четким определением понятия «личное пространство». А Одессит не такой, по этой причине я его до сих пор еще и не убил. Недостатков у него, правда, тоже хватало, особенно меня раздражает то, что он сначала бежит, а потом думает, зачем это сделал.

Но тут он был прав — благодарность Генриетты нам была гарантирована. Причем всем. Это была кухня или то, что ее заменяло. По полу и столам были разбросаны пыльные тарелки, вроде как алюминиевые, вилки, ложки, столовые ножи. В дальнем углу мы обнаружили пирамидки металлических кружек. Еще тут нашлись кастрюли нескольких размеров, судки для переноски пищи и десятков чайников.

— Надо будет из этого добра маленько себе заначить, — шепнул Крепыш Одесситу. — А то как азиаты палочками едим.

Мысль «волчонка» о том, чтобы что-то себе отщипнуть, мне не слишком пришлось по душе, но сам факт, что теперь наконец-то можно будет есть нормальными приборами, порадовал меня до невозможности. Нет, ложки у нас были. Похожие на те, которыми когда-то ели наши пращуры. Выстругал столовые приборы Палыч, уроженец Смоленщины, который к нам прибился неделю назад. Были у нас и палочки, столь любимые жителями Японии. Но вот мясо, что наконец-то появилось в нашем рационе, этими приборами есть очень неудобно, не приноровились мы пока. А с ножа или руками — не слишком приятно. В найденных нами раньше армейских рационах приборов не оказалось, что немного удивляло.

— Это что за разговоры такие! — грозно сдвинув брови, глянул я на «волчонка». — «Заначить». Я тебе заначу!

— Чисто гипотетически, — расплылся в улыбке Крепыш и обменялся взглядом с Одесситом. — И в мыслях не было ничего такого.

— Плитка. — Голд загремел чем-то в дальнем углу, подняв облако пыли. — И еще одна. Автономная. Надо полагать, на всякий случай. Забавно.

Плитка на кухне — это не нонсенс, тут вон и стационарные плиты стоят, как и положено в таких местах. А плитки... Ну конечно же!

— Значит, где-то тут дизелек должен быть, — озвучил то, до чего я только что додумался, Кин. — Как в том, в складском бункере.

— Ну, может, не такой, как там, конечно, но наверняка где-то стоит, вполне вероятно, что и не один. — Голд чихнул. — Да и как без него — резервное питание тут должно быть в любом случае.

Резервное электропитание — это прекрасно. Но и с простым, не электрическим, у нас теперь тоже будет повеселее — кухня подарила нам помимо посуды много такого, о чем мы и не мечтали. Несколько мешков сахара, спрессовавшегося, но явно пригодного к употреблению, несколько мешков соли, герметично закупоренные банки с сухим молочным и яичным порошком (тут, правда, спорно, можно ли его употреблять в пищу, но, как верно заметил Крепыш, Фрау разберется) и, самое главное, специи. Перец нескольких видов, куркума, еще

что-то, что я не смог распознать. Они были сушеные изначально, и время с ними ничего сделать не смогло. Да и потом, они тоже были упакованы. Господи, как я соскучился по острой пище!

Мы обшаривали помещения, не пропуская ни одной двери. Здесь были комнаты отдыха с трехъярусными кроватями, медицинский кабинет, в котором осталась Фира, маленько понимающая в этом вопросе, что-то вроде конференц-зала, поскольку другого предназначения для помещения, где находились только большой полусгнивший круглый стол и стулья, мы придумать не смогли.

И в каждой комнате было что-то, что оказывалось нам нужным или требовало тщательного осмотра. В одной мы обнаружили кучу печатных машинок и несколько скелетов в неплохо сохранившейся форме, глядя на которые, Одессит печально заметил:

— Гражданки были, вон какие ремешки узкие. В талию...

— Машинистки, — согласился Голд. — Или что-то в этом роде. Ремни собери.

В спальнях помещений мы увидели тумбочки, и я сразу поставил себе в памяти зарубку: обшарить их. Там ведь и мыло может быть, и бритвы, и вообще что угодно, вплоть до порножурналов. Солдаты же. Я сам в академии чего только в них не хранил, за что иногда и получал наряды, как правило, после команды: «Тумбочки к осмотру».

И в финале, когда мы дошли почти до самого конца коридора, Голд удовлетворенно выдохнул и сообщил всем:

— Вот и он, больной зуб.

Он посветил фонариком на дверь и потер рукавом табличку на ней. На нас радостно уставился скалящийся череп, пронзенный кривой молнией.

— Надо полагать, тут некогда жило электричество, — предположил Одессит. — Можно я потом себе эту табличку заберу, а? Есть у меня одна замечательно гаденькая мысль...

— Угадал. — Голд толкнул дверь, открывающуюся внутрь. Ничего не произошло — она была заперта.

— Железо. — Тор постучал по металлу пальцем. — Хорошая работа.

— Будем вскрывать. — Голд почесал затылок. — Крепыш, метнись к нашим и тащи сюда Азиза. Без него никак.